
ВОПРОСЫ ИСТОРИИ РУССКО-АРМЯНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В РУССКОЙ ДВОРЯНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XVIII ВЕКА

Р. Г. ХАЧАТРЯН

Древние исторические связи русского и армянского народов, их постепенное и непрерывное сближение, особая интенсификация их отношений в новое время, формирование и развитие русской ориентации армянского освободительного движения определили интерес русской исторической науки к Армении и к армянскому народу.

Было бы, однако, односторонним объяснять этот интерес только развитием политических отношений. Следует при этом учитывать и специфические черты развития самой русской науки, особенно ее высокий научный уровень, широту тематического охвата, ее интерес к истории многих народов. Развитие русской гуманитарной науки в новое время, формирование исторической науки, возникновение русского востоковедения в свою очередь определили рост научного интереса к Армении. В результате этого в русской дворянской исторической науке с конца XVII и до начала XIX вв. накопился интересный материал, который может быть предметом историографического исследования.

В настоящей статье делается первая попытка последовательного рассмотрения основных материалов по истории русско-армянских отношений и по истории армянского народа, содержащихся в трудах русских дворянских историков конца XVII—начала XIX вв. Для этого нами изучены труды этих историков — А. Лызлова, А. П. Манкиева, Феофана Прокоповича, П. К. Кирилова, В. Н. Татищева, Г. Ф. Миллера, П. Н. Болтина, М. М. Щербатова, П. М. Карамзина и др., — а также относящиеся к русско-армянским отношениям и к Армении материалы в русской периодической, в особенности исторической, печати исследуемого периода и некоторые архивные материалы, освещающие участие отдельных русских историков в русско-армянских экономических и политических отношениях¹. Естественно, что в пределах журнальной статьи не только невозможно проследить всю сложную идейно-научную эволюцию русской дворянской историографии указанного периода, каковой задачи мы перед собой и не ставим, но и трудно в деталях охарактеризовать весь содержащийся в ней материал, относящийся к истории русско-армянских отношений и к истории Армении. Здесь мы задались целью осветить лишь самые основные вехи и аспекты изучаемого вопроса.

---

¹ Так, например, подобные материалы о В. Н. Татищеве содержатся в Ленинградском отделении Архива Академии наук СССР (ЛОААН, ф. 95, оп. 5; ф. 1, оп. 3) и в других архивах.

При сопоставлении материалов, относящихся к Армении, в трудах русских историков XVIII в. можно заметить, что почти все дворянские историки упоминают Армению в связи со своими этногенетическими поисками и построениями. Уже в труде автора первой четверти XVIII в. А. И. Манкьева мы встречаем упоминание об Армении. Кладя в основу происхождения народов библейскую легенду о потопе и исходя из принятой в то время схемы происхождения славян от Мосоха, сына библейского Яфета, Манкнев повествует о том, что мосхи (славяне) после смешения языков двинулись из Вавилона «через арменския горы и скифския или татарския степи от востока к северным и западным странам света»².

Этногенетические поиски русских историков продолжаются на протяжении всего XVIII в.; при этом все выше становится их научный уровень, расширяется их источниковедческая база, в связи с чем становятся богаче и материалы, относящиеся к древней Армении. В своих исследованиях происхождения славян Руси В. Н. Татищев, разработавший новые для своего времени этногенетические построения, уделяет большое место народам древнего мира, изучает древние западные и восточные источники, критически анализирует их. В ходе этой работы он касается в своей «Истории Российской» и вопросов истории древней Армении³, комментирует некоторые относящиеся к ней места из «Иудейской войны» Иосифа Флавия. Уделяя большое внимание исторической географии, Татищев пытается уточнить местоположение реки Аракс в трудах древних авторов и указывает на противоречивость их показаний по этому вопросу⁴. Конкретные данные по древнеармянской истории, относящиеся, в частности, ко взаимоотношениям Армении с Римом, имеются и в труде М. М. Щербатова «История Российская от древнейших времен»⁵. В «Истории государства Российского» П. М. Карамзина также содержатся интересные сведения как о древнем Закавказье в целом, так и об Армении и ее взаимоотношениях с хазарами, аланами и т. д.⁶ Как видим, данные о древней истории Армении имели для перечисленных историков конкретно-научное, функциональное значение, связанное с этногенетическими поисками, вследствие чего по мере их расширения в русской историографии появляются все более интересные сведения об Армении, почерпнутые из античных источников.

Этногенетический аспект, который мы выделили выше, является лишь одним из многочисленных аспектов интереса, проявившегося к истории Армении в русской дворянской историографии XVIII в. Уже

² А. И. Манкнев, Ядро Российской истории..., М., 1770, стр. 10.

³ В. Н. Татищев, История Российская, т. 1, ч. 1, М.—Л., 1962, стр. 166, 176, 261, 281—282 и др.

⁴ Там же, стр. 136, 180, а также: В. Н. Татищев, Лекции Российской исторической, географической, политической и гражданской..., ч. 1, СПб., 1793, стр. 52, 60.

⁵ М. М. Щербатов, Сочинения, т. 3, СПб., 1901, стр. 72, 74—75, 77 и др.

⁶ П. М. Карамзин, История государства Российского, т. 1, СПб., 1816, стр. 13, 42 и др.

на рубеже XVII и XVIII вв., в период формирования русской исторической науки, в русской исторической литературе появляется интерес к различным вопросам прошлого и настоящего Армении. Одной из причин этого является усиливающийся в русской историографии с конца XVII в. интерес к истории Востока в целом, особенно к Османской империи и к борьбе подвластных ей славянских и других народов за свое освобождение.

В этом плане наиболее интересным трудом конца XVIII в. является «Скифская история» Андрея Лызлова, посвященная борьбе русского и других народов против татаро-турецких нашествий и завоеваний. «Скифская история» Лызлова — один из первых русских исторических трудов, содержащих не только интересные факты, но и интересные мысли, относящиеся к положению и судьбе армянского народа. Лызлов сообщает читателю сведения о завоевании Армении Тамерланом, описывая Крым в период татарского владычества, приводит интересные данные об армянах Крыма, а в разделах, посвященных Османской империи, описывает тяжелое положение армян в Турции⁷. Представляют особый интерес данные Лызлова об участии армян в обороне Константинополя в решающий период борьбы за город, с декабря 1453 г. до его падения⁸.

Первая четверть XVIII в. в истории России и, в частности, в истории развития исторической науки была, как известно, эпохой больших и серьезных преобразований. Правящие круги России и сам Петр I придавали большое значение изучению истории России и собиранию исторических материалов, рукописей, книг, музейных экспонатов, исторических редкостей, открытию и сохранению исторических памятников и достопримечательностей, расширению издательской деятельности и, в частности, гражданской печати. В этот период усилился интерес русской гуманитарной науки к Востоку, формировалось русское востоковедение, приобретающее особое значение в свете восточной политики Петра I. Вместе с тем первая четверть XVIII в. была периодом невиданной до того активизации русско-армянских отношений.

В эпоху Петра I русско-армянские отношения вступили в новую фазу, что способствовало усилению интереса правящих кругов России и русской общественной мысли, в частности исторической науки, к Армении, в результате чего наблюдаются новые явления в интересующем нас плане: в России появляется армянский типографский шрифт, начинается собирание древних армянских монет и других памятников материальной культуры, издаются первые книги на русском языке, непосредственно относящиеся к русско-армянским отношениям, и т. д.

Касаясь этого периода, мы уже можем говорить об открытии русской исторической науки в области истории армянского народа и о связанном с ним научном вкладе русских историков в разработку истории

⁷ А. Лызлов, Скифская история..., ч. I. М., 1787, стр. 57; ч. II. М., 1787, стр. 6, 139, 151 и др.

⁸ А. Лызлов указ. соч., ч. II, стр. 158, 164 и др.

армянских поселений в России. Речь идет об открытии армянских надписей в г. Булгар. Известно, что Армения еще до монголо-татарского нашествия имела интенсивные торгово-экономические сношения с Волжско-Булгарским царством; в ряде городов этого государства, в частности в г. Булгар, имелись армянские поселения. В начале XVIII в. русские ученые обнаружили развалины этого города, и среди них могильные плиты с армянскими эпитафиями. Уже в 1712 г. памятники и надписи этого городища были описаны дяком Михайловым. Конечно, следует учитывать, что эти надписи были открыты в комплексе волжско-булгарской культуры и что это не было результатом поиска армянских материалов. Но это никак не умаляет объективного значения научного результата, касающегося и истории армянского народа.

Развалины г. Булгар, в том числе армянские надписи, вызвали большой интерес у Петра I, который осмотрел их в 1722 г. и дал указания казанскому губернатору о принятии мер для их сохранения. Современник Петра I Ф. И. Соймонов следующим образом описывает это посещение: «Остатки города Булгар, ниже устья реки Камы, на повосточной стороне реки Волги, лежащие возбудили в императоре, когда мимо ехал, любопытство, чтоб оные осмотреть. Он сожалел, что древния строения со всем разваливаются, о чем вспомнив в Астрахани, писал 2 июля к губернатору Казанскому, и велел немедленно послать туда несколько каменщиков для починки фундаментов у башен и, чтоб впредь таким же образом и протчия строения починили. Губернатор получил же притом указ, чтоб велел списать находящиеся там татарския и армянския гробные надписи, коим полезным трудом история онаго старого города несколько изъяснена, потому, что копии с надписей остались в сохранении Казанской губернской канцелярии»⁹. Карамзин сообщает, что «сии надписи переведены для государя Петра I в 1722 году казанским армянином Иваном Васильевым»¹⁰, а Татищев указывает, что в дальнейшем копии были посланы в Петербург, в Академию наук.

Эти надписи стали основой для создания весьма ценных работ русских историков об армянских поселениях в России. О них писали почти все русские историки XVIII и начала XIX в.— Ф. И. Соймонов, В. Н. Татищев, П. С. Паллас, Г. Ф. Миллер, И. Лепехин, И. Озерецковский, М. Д. Чулков, И. И. Голиков, Н. М. Карамзин¹¹ и др. Большую

⁹ Ф. И. Соймонов, Описание Каспийского моря и чиненых на оном российских завоеваний... «Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах», март 1763 г., стр. 198.

¹⁰ Н. М. Карамзин, История государства Российского, т. 3, СПб., 1816, стр. 523, примеч. 239.

¹¹ Ф. И. Соймонов, указ. соч., стр. 198; В. Н. Татищев, История Российская, т. 2, ч. 2, М.—Л., 1963, стр. 230; П. С. Паллас, Путешествие по разным провинциям Российской империи, ч. 1, СПб., 1773, стр. 192, 193; Г. Ф. Миллер, О народах издревле в России обитавших, СПб., 1773, стр. 43—44; И. Лепехин, Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства 1768 и 1769 году, ч. 1, СПб., 1771, стр. 271—272; М. Д. Чулков, Историческое описание российской коммерции..., т. 1, кн. 1, СПб., 1781, стр. 61; И. И. Голиков, Деяния Петра Великого..., ч. 8, М., 1789, стр. 185; Н. М. Карамзин, указ. соч., т. 3, стр. 523.

услугу оказал исторической науке академик Иван Лепехин, который в 70-х гг. XVIII в. впервые опубликовал некоторые из этих надписей в переводе на русский язык¹².

В трудах русских историков и исследователей — современников Петра I И. К. Кирилова, Ф. И. Соймонова, Феофана Прокоповича имеются интересные данные и материалы, относящиеся к истории Армении и к истории русско-армянских отношений.

Во второй книге своего капитального труда «Цветущее состояние всероссийского государства...», являющегося первым статистико-географическим описанием России, Кирилов подробно описывает жизнь Астраханской губернии и в этой связи сообщает некоторые данные об армянском населении в Астрахани, армянской слободе, армянском гостином дворе, относящиеся к первой четверти XVIII в.¹³ Ценность этих сведений заключается в том, что они взяты из материалов официальных сенатских архивов.

Ценным и важным источником по истории русско-армянских отношений при Петре I является вышеупомянутый труд Соймонова, в котором освещаются события периода персидского похода Петра I и приводятся интересные сведения о русско-армянских торгово-экономических отношениях со второй половины XVII в., о торговле шелком Джульфинской торговой компании, о первых шелковых заводах армянских предпринимателей в России и т. д.

Во второй четверти XVIII в. интерес русской исторической науки к армяно-русским отношениям и к вопросам истории и культуры армянского народа приобретает новое качество, что связано с деятельностью выдающегося историка В. Н. Татищева. В русской исторической науке Татищев является основоположником изучения истории и культуры многих народов, входивших в состав российского государства или находившихся в тесных взаимоотношениях с ним. К сожалению, эта сторона научного наследия Татищева еще недостаточно изучена. Между тем ценные сведения и комментарии в его «Истории Российской», «Лексиконе» и других трудах заслуживают серьезного исследования.

Из литературы о Татищеве и архивных документов, связанных с его государственной деятельностью, видно, что Татищев активно участвовал в русско-армянских экономических и политических отношениях второй четверти XVIII в., особенно в 1741—1745 гг., в бытность губернатором Астраханского края, благодаря чему он был хорошо осведомлен о положении армян¹⁴. Эта политическая осведомленность Татищева положи-

¹² См. И. Лепехин, указ. соч., стр. 272.

¹³ См. И. Кирилов, Цветущее состояние всероссийского государства, в казновое начал, привел и оставил неизреченными трудами Петр Великий..., кн. 2, М., 1831, стр. 26, 32 и др.

¹⁴ См. Н. Попов, В. Н. Татищев и его время, М., 1861; его же, Ученые и литературные труды Татищева, СПб., 1866; П. Пекарский, Новые известия о В. Н. Татищеве, «Записки Императорской Академии наук», т. 4, СПб., 1864, приложение; А. А. Куник, Перечень сочинений В. Н. Татищева и материалов для его биографии, там же, т. 17, кн. 1, СПб., 1883; М. И. Тихомиров, Отрывки славянских рукописей в Ма-

тельно сказывалась на освещении им научных вопросов, связанных с Арменией.

В «Истории Российской» Татищев приводит данные из Никоновской летописи¹⁵, из сказания о хождении митрополита Пимена в Царьград¹⁶ и других русских источников, представляющие большой интерес для истории армянского народа. С историкографической точки зрения они являются первыми в русской исторической науке относящимися к Армении сведениями из русских летописей и литературных памятников. Обнаруженные до Татищева фактические материалы и данные, относящиеся к Армении, например упомянутые нами армянские надписи в г. Булгар, становятся для Татищева предметом ценного анализа. Комментируя последние в «Истории Российской», Татищев пишет: «Между ими же (жителями г. Булгар,— Р. Х.), чаятельно, были немало и армяны»¹⁷. Этот вывод Татищева имеет принципиальное значение, если вспомнить, что даже в XIX в. некоторые исследователи считали, что наличие армянских надписей в г. Булгар является лишь результатом его случайного посещения отдельными армянскими купцами. Позднейшие исследования подтвердили предположение Татищева.

В составленном Татищевым «Лексиконе», в статьях «Аракс», «Ара-рат», «Армяне», а также «Астрахань» и в других Татищев сообщает весьма интересные сведения по истории и культуре Армении, об армянских поселениях в России и о русско-армянских отношениях, свидетельствующие также о хорошем знании положения армянского народа в его время¹⁸. Важно, что Татищев довел до русских читателей эти сведения, включив их в «Лексикон», фактически являющийся первой русской энциклопедией.

Заслуживает особого внимания интерес Татищева к армянскому языку. Он собирался составить краткие словари—«диక్షонеры» для облегчения перевода с русского языка на ряд других языков и даже успел проделать в этом направлении определенную работу. Интересно, что в числе этих языков мы встречаем не только армянский, но даже его джюльфинский диалект¹⁹, которому Татищев уделял особое внимание, учитывая, видимо, большую роль Джюльфинской армянской торговой компании в русско-армянских экономических отношениях.

Наконец, имеет принципиальное значение отношение Татищева к армянским историческим источникам. В своем письме И. Д. Шумахеру от 22 февраля 1748 г. по поводу объявления Петербургской Академии наук относительно приглашения в Академию переводчиков для перевода

тенадаране, «Բանբեր Մատենադարանի», 1962, № 6; А. П. Андреев, Переписка В. Н. Татищева за 1746—1750 гг., «Исторический архив», М.—Л., 1951.

¹⁵ См. В. Н. Татищев, История Российская, т. 5, М.—Л., 1965, стр. 33, 177, 182 и др.

¹⁶ Там же, стр. 167 и след.

¹⁷ Там же, т. 2, ч. 2, стр. 230, примеч. 173.

¹⁸ В. Н. Татищев, Лексикон Российской..., ч. 1, стр. 32, 52, 60—61 и др.

¹⁹ См. П. Пекарский, Кондратович, русский прозаик и стихотворец, филолог и беллетрист XVIII столетия, «Современник», 1858, № 6.

книг с некоторых иностранных языков, Татищев, одобряя это решение, пишет: «чаю непротивно китайский, индейский, армянский и грузинский упомянуть»²⁰.

Проведенное нами сравнение относящихся к истории Армении и к армянскому языку материалов, которые содержатся в первой и во второй редакциях «Истории Российской», показывает, что работа Татищева над ними не имела случайного или эпизодического характера. Внесенные во вторую редакцию исправления свидетельствуют о том, что ученый со свойственной ему добросовестностью кропотливо и тщательно проверял этот материал и в ходе работы корректировал его.

Резюмируя сказанное, мы можем утверждать, что Татищев первым в русской исторической науке ввел в оборот относящиеся к Армении материалы, содержащиеся в русских летописях и литературных памятниках, дал к ним научные комментарии, привел в своем «Лексиконе» интересные данные об Армении, проявил интерес к армянскому языку, поставил в принципе вопрос о значении армянских источников для русской исторической науки. С именем Татищева связано возникновение многостороннего научного интереса к истории и культуре Армении в русской исторической и, шире, гуманитарной науке.

Во второй половине XVIII в. наряду с общим развитием общественно-политической жизни России происходит и дальнейшее развитие дворянской исторической науки, получает новый размах работа по собиранию и публикации исторических источников, развивается историческая периодическая печать. В исторических и историко-этнографических трудах русских исследователей этого периода увеличивается количество материалов, относящихся к русско-армянским отношениям, к истории, культуре, быту армянского народа.

Отдельные интересные материалы такого рода встречаются в трудах Г. Ф. Миллера. Так, он дополняет сведения других историков об армянах в г. Булгар сообщением о том, что там были найдены также армянские монеты, и считает татарское нашествие причиной ухода армян оттуда²¹. Готовя к изданию упомянутый труд Соймонова «Описание Каспийского моря...», Миллер вставил в него ряд материалов по истории раннего периода торговли через Каспийское море; некоторые из них относятся к Армении.

В аспекте нашей проблемы представляют интерес и труды М. М. Щербатова, в частности его многотомная «История Российская от древнейших времен», где содержатся взятые из русских летописей и других источников материалы по Армении. К ним относятся, например, сведения о завоевании Армении Тамерланом, о политике римских пап в отношении Армении, о русско-армянских торгово-экономических отношениях. Освещая последние и касаясь периода конца XIV в. в связи с восточной торговлей России, Щербатов делает следующее весьма интересное за-

²⁰ ЛОААН, ф. 1, оп. 3, ед. хр. 37, лист 17 об.—18 (копия).

²¹ См. Г. Ф. Миллер, указ. соч., стр. 50—51.

ключение: «можем почти с сего времени положить начало Российской торговли чрез армян в восточныя страны»²². В некоторых своих сочинениях Щербатов исследует и русско-армянские отношения конца XVIII в., в частности деятельность армянских купцов Лазаревых в России.

Во второй половине XVIII в. в русской исторической литературе и в гуманитарных науках в целом усиливается интерес и к населяющим Россию нерусским народам, в определенной степени связанный с практическими задачами освоения новоприсоединенных территорий русским государством, изучения политических настроений, языка, обычаев, нравов ряда народов в целях проведения колониальной политики царизма. Было бы, однако, неправильным связывать этот интерес к народам России и особенно научное значение его результатов лишь с колониальной политикой. Следует учитывать и дальнейшую идейно-научную эволюцию русской гуманитарной науки, в частности формирование русской этнографии, а в плане русской общественно-политической мысли — возникновение прогрессивных взглядов, идеи веротерпимости, интереса к культуре других народов и т. д.

Характерно, что в русской исторической и этнографической литературе указанного периода проявляется интерес не только к народам, издревле населявшим российское государство, но и к переселенцам из других стран. Этот период как раз совпадает с периодом образования в России крупных армянских поселений, связанного с развернувшимся тогда движением по переселению армян. Начавшееся еще во время Петра I переселение армян в Россию особенно усиливается в 60-е—80-е гг. XVIII в., когда создаются такие крупные армянские поселения, как Новый Нахичеван, Григориополь, увеличивается численность армян в Петербурге, Москве, Астрахани, в Кизляре, Моздоке, Оренбурге и других местах. Этот процесс находит интересное отражение в русской исторической, географической и этнографической литературе того времени, в которой мы встречаем весьма ценные материалы об армянских поселениях в России и о жизни поселенцев.

С 70—80-х гг. до конца XVIII в. Академия наук организует ряд экспедиций во главе с академиками И. Лепехиным, П. С. Палласом, Н. Озерецковским и другими в разные концы Российской империи с целью изучения природы, истории, культуры, быта русского и других народов. В многотомных трудах названных ученых²³ имеются заслуживающие внимания данные о жизни переселившихся в Россию армян.

Своего рода итогом историко-этнографических знаний о народах России в XVIII в., в том числе о переселенцах, является капитальный труд академика И. И. Георги²⁴, который написан не только на основе

²² М. М. Щербатов, Сочинения, т. 4, СПб., 1902, стр. 294.

²³ См. И. Лепехин, указ. соч., ч. I—IV, СПб., 1771—1805; П. С. Паллас, указ. соч., ч. 1—3, СПб., 1773—1788; Н. Озерецковский, Описание Колы и Астрахани, СПб., 1804.

²⁴ См. И. И. Георги, Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей, ч. 1—4, СПб., 1799.

материалов, собранных им самим, но и с использованием трудов Лепехина, П. Рычкова, Палласа и других. В разделе «Армяне» своего труда Георгий описывает принудительное переселение армян в Персию при шахе Аббасе и тяжесть ирано-турецкого гнета, рассматривает историю переселения армян в Россию и приводит подробные и интересные сведения о занятиях, быте, обрядах, образе жизни армян, живших в Астрахани и в других городах России.

Вторая половина XVIII в. характеризуется как период быстрого роста русской периодической печати, в том числе периодических изданий исторического профиля. С целью выявления материалов по истории русско-армянских отношений и истории армянского народа русская периодическая печать XVIII в. до сих пор систематически не изучалась. Между тем в ней содержатся очень ценные сведения на интересующую нас тему. Уже в одном из первых периодических изданий по истории России — в сборнике статей «*Sammlung russische Geschichte*», издававшихся в 1732—1765 гг. на немецком языке (9 томов, редактор Г. Ф. Миллер), можно встретить такие сведения.

Изучение русской периодики второй половины XVIII в., чисто исторической, а также смешанного типа, обнаруживает много интересных трудов и документов по изучаемой проблеме. В журналах «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащих» (1755—1757 гг.), «Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащих» (1758—1762 гг.), «Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах» (1763—1764 гг.), «Опыт трудов Вольного Российского собрания при Императорском Московском Университете» (1774—1783 гг.), «Новые ежемесячные сочинения» (1786—1796 гг.), «Московский журнал», «Вестник Европы», полные комплекты которых нами подробно изучены в интересующем нас аспекте, опубликованы труды Рычкова, Соймонова, Миллера, П. Г. Гербера, Лерхе, Карамзина, первоисточники и документы, относящиеся к истории русско-армянских отношений и к истории армянского народа.

Для русской исторической науки второй половины XVIII в. характерно также развитие археографии и источниковедения, публикация большого количества источников в ряде специальных периодических изданий. В изданиях подобного рода также нашли свое отражение русско-армянские связи. Например, в одном из томов «Опыта трудов Вольного Российского собрания при Императорском Московском Университете» опубликован «Посольский наказ к Персидскому Шаху 1618 года». Это наказ царя Михаила Федоровича князю М. П. Борятинскому, который возглавил в 1618 г. русское посольство в Персию. Он содержит очень интересные подробности, относящиеся к русско-армянским отношениям в период между 1613 и 1618 гг.

В этом отношении заслуживает большого внимания также составленный П. М. Стриттером в 60—70-х гг. XVIII в. по поручению Академии наук многотомный сборник византийских источников по истории России, изданный сперва на латинском, а затем и на русском языке²⁵.

²⁵ См. «Известия византийских историков, объясняющие российскую историю древ-

В предисловии к сборнику подчеркивается научный интерес не только тех византийских источников, которые непосредственно относятся к истории России, но и тех, которые «нужны от части особливо для Российской истории, как например, о разных народах, кои у Кавказских гор между Черным и Хвалынским морем жительство имели». И действительно, в этот сборник вошли ценные сведения об истории Армении и о раннем периоде истории русско-армянских отношений. В дальнейшем они широко использовались в русской исторической науке.

В рассматриваемой нами проблеме «русская историческая мысль и Армения» особое место принадлежит научному наследию Н. М. Карамзина. Реакционная сущность исторической концепции Карамзина известна, однако большая роль и место Карамзина в истории русской культуры и в историографии в частности делает необходимым рассмотрение его наследия при комплексном анализе выдвинутой нами проблемы.

С наследием Карамзина связан целый ряд новых интересных аспектов в освещении истории русско-армянских отношений. Повышенный по сравнению с предшественниками интерес Карамзина к этим отношениям вполне понятен в свете дальнейшего развития как русской исторической науки, так и русско-армянских отношений. Конец XVIII и первая четверть XIX в. составляют один из важнейших периодов в истории русско-армянских отношений, о которых был хорошо осведомлен историк.

Внимание Карамзина к Армении проявилось еще задолго до написания им «Истории государства Российского». Еще в «Письмах русского путешественника», а также в издаваемых им журналах («Московский журнал», «Вестник Европы») мы встречаем материалы, относящиеся к Армении. Однако основная часть материалов, естественно, находится в его «Истории государства Российского». Внимательное изучение этого труда Карамзина показывает, что в плане русско-армянских отношений и истории Армении им использовано почти все ценное, что было накоплено до него русской исторической наукой. Кроме того, Карамзин впервые ввел в научный оборот большое количество данных по этому вопросу из русских летописей и других первоисточников. Многие из них до Карамзина вообще не были известны или почти не фигурировали в научной литературе и поэтому представляют наибольший интерес.

Эти материалы содержат много данных об экономических и культурных связях Армении с Киевской Русью²⁶, с Московским государством²⁷, о связях русской и армянской церковей²⁸, о жизни армянских поселений в России²⁹, а также об истории Армении³⁰. Многие из содержа-

них времен и переселения народов; собраны в хронологическом порядке расположены Иваном Штриттером», ч. 1—4, СПб., 1770—1775.

²⁶ См. Н. М. Карамзин, История государства Российского, т. 3, СПб., 1816, стр. 201, 212 и др.

²⁷ Там же, т. 5, СПб., 1817, стр. 500; т. 10, СПб., 1824, стр. 271; т. 11, СПб., 1824, стр. 10.

²⁸ Там же, т. 5, стр. 551 и др.

²⁹ Там же, стр. 404—405; т. 3, стр. 523.

³⁰ Там же, т. 4, СПб., 1817, стр. 466; т. 1, стр. 13, 41, 180—181, 200—201 и др.

щихся в этих материалах фактов имеют большое значение для истории русско-армянских отношений, так как для периода до XVI в. мы располагаем малым количеством данных. Особый интерес представляют приводимые Карамзиным сведения из Троицкой летописи—ввиду того, что эта летопись, обнаруженная им, в дальнейшем, как известно, исчезла.

Приведенные Карамзиным в «Истории государства Российского» материалы, в той или иной степени касающиеся Армении или русско-армянских отношений, взяты им из Воскресенской (Ростовской), Никоновской, Троицкой, Архангельской, Александро-Невской летописей, из записок русских сановников, посланий русских церковных деятелей, из «персидских, крымских, папских» дел Архива коллегии иностранных дел и других ценных источников, большинство из которых до этого не использовалось в аспекте русско-армянских отношений.

Вводя в научный оборот большое количество материалов по истории русско-армянских отношений из русских летописей и первоисточников, Карамзин способствовал дальнейшему росту интереса историков к указанным источникам с точки зрения рассматриваемого вопроса. В своем труде Карамзин сообщает сведения об армянском летосчислении³¹, по отдельным поводам обращается к армянскому языку³². Он первым в русской исторической науке использовал армянские источники и, в частности, «Историю Армении» Мовсеса Хоренаци, хотя этот труд до Карамзина был известен в России³³. Однако до него никто из русских историков не рассматривал труд Хоренаци как источник по истории славян. «Моисей Хоренский,— пишет Карамзин,—...ранее всех говорит о славянах»³⁴. Об интересе Карамзина к Мовсесу Хоренаци свидетельствуют не только многочисленные ссылки на него в «Истории государства Российского», но и переписка Карамзина, особенно три его письма, относящиеся к Мовсесу Хоренаци, обнаруженные и опубликованные М. Погодиным³⁵.

Для освещения некоторых вопросов, связанных с историей Крыма, Казани и т. д., Карамзин использовал и армянские источники нового времени, в частности материалы Иосифа Аргутинского-Долгорукого. Так, историк пишет: «В записках князя армянского, Иосифа Аргутин-

³¹ Там же, т. 3, стр. 523.

³² Там же, т. 1, стр. 343, 434.

³³ Первый перевод труда Мовсеса Хоренаци на иностранный язык (латинский), изданный в Стокгольме в 1723 г., был осуществлен шведским ученым Бреннером в 20-х гг. XVIII в., в бытность его в России. С Бреннером был хорошо знаком и общался В. Н. Татищев. Можно предположить, что именно Татищев и привез из Швеции этот труд, где он был и общался там с Бреннером в 1724—1725 гг. Во всяком случае, в русской исторической литературе в 30-х гг. XVIII в. мы уже встречаем упоминание о труде Мовсеса Хоренаци (см. Т. С. Беер, География Российская из Константина Порфирогенета, СПб., 1767, стр. 10). В 1786 г. издаются на русском языке отрывки из «Истории» Мовсеса Хоренаци, а в 1809 г.— первый перевод его труда на русский язык.

³⁴ Н. М. Карамзин, История государства Российского, т. 1, стр. 282.

³⁵ См. М. Истодин, Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. Материалы для биографии, ч. 2, 1866, стр. 51—53.

ского, архиепископа армянских церквей в России, сказано, что татары, завоевав Армению в 1262 году, перевели многих жителей в нынешнюю Астраханскую и Казанскую губернию, что некоторые из них ушли в Тавриду и поселились отчасти в Кафе, отчасти в старом Крыме и близ Судака. Сей Иосиф Долгорукий сообщил свои записки князю Потемкину»³⁶.

Небезынтересно отметить, что творчество Карамзина в целом и в аспекте русско-армянских отношений было известно армянской общественности и читательским кругам уже в первой четверти XIX в., а с момента выхода в свет всех томов «Истории государства Российского» этот труд стал ценным источником для всех тех, кто занимался историей русско-армянских отношений. Уже в изданном в 30-х гг. XIX в. совместными усилиями русских и армянских историков ценном «Собрании актов...»³⁷ мы встречаем много ссылок на труд Карамзина. Приведенные им источники по русско-армянским отношениям широко использовались армянскими историками — Г. Алишаном, А. Ерицяном, Лео и др., а также советскими историками, так как они с источниковедческой точки зрения и по сей день в определенной степени не потеряли своего значения.

* * *

Подытоживая изложенное, следует отметить, что при последовательном рассмотрении и сопоставлении интересующих нас материалов в трудах русских дворянских историков исследуемого периода — Лылова, Татищева, Щербатова, Карамзина и других — можно установить детерминированность этого материала логикой истории русско-армянских отношений и развитием русской исторической науки, преемственность тематического интереса и идейных акцентов, а также проследить эволюцию постепенного накопления новых фактических данных и повышения научного уровня их разработки.

На примере введения армянских источников в оборот в русской исторической науке можно проследить определенную преемственность. Если Татищев в принципе выдвигает этот вопрос, то в трудах Карамзина мы видим, как эти источники практически становятся объектом русской исторической науки.

В тематическом отношении для дворянской исторической науки характерен интерес к русско-армянским политическим, культурным, церковным и, частично, торгово-экономическим отношениям до XVI в. включительно, интерес к армянским поселениям в России, к армянским историческим источникам и армянскому языку, к истории древней Армении в связи с этногенетическими исследованиями.

С источниковедческой точки зрения следует считать заслугой дворянских историков введение в научный оборот большого количества ма-

³⁶ И. М. Карамзин, История государства Российского, т. 4, стр. 348.

³⁷ «Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа», т. 1—3, М., 1832—1838.

терналов из русских летописей и литературных памятников, относящихся к истории русско-армянских отношений.

Естественно, что к указанным материалам следует подходить критически, с учетом методологических и идейно-политических позиций дворянской историографии. В трудах дворянских историков исследуемого периода нет материалов, относящихся к историческому творчеству народных масс, характеризующих жизнь трудящихся, но фигурируют материалы, относящиеся к армянскому духовенству, дворянству и буржуазии; не раскрыты здесь колонизаторские цели царизма. Вместе с тем следует учитывать, что русская дворянская историография, стоя на позициях защиты самодержавия и классовых интересов дворянского государства, в том числе его внешнеполитических интересов, сочувственно относилась к армянскому освободительному движению, к его русской ориентации, совпадавшей с внешнеполитическими интересами российского государства. Подобная позиция прослеживается в основном во всей дворянской исторической литературе, от Лызлова до Карамзина. Помня о классовых основах этой позиции, следует вместе с тем отметить, что в конкретных исторических условиях того времени она способствовала укреплению русской ориентации армянского освободительного движения, имевшей для армянского народа прогрессивное значение.

Большой фактический материал, накопленный русскими дворянскими историками XVIII в. (а также историками, принадлежавшими к другим направлениям русской исторической науки — буржуазному и демократическому, наследие которых не рассматривается нами в данной статье), способствовал дальнейшему повышению интереса русских историков к истории русско-армянских отношений и к истории Армении и был использован русскими историками XIX в., поднявшими разработку этих вопросов на новый научный уровень. Этот материал свидетельствует, что истоки интереса русской гуманитарной науки к истории и культуре Армении следует искать уже в начале XVIII в.

**ՀԱՅ-ՌՈՒՍԱԿԱՆ ՀԱՐԱԲԵՐՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ՀԱՐՑԵՐԸ
XVIII ԴԱՐԻ ՌՈՒՍԱԿԱՆ ԱԶՆՎԱԿԱՆԱԿԱՆ ՊԱՏՄԱԳՐՈՒԹՅԱՆ ՄԵՋ**

Ռ. Հ. ԽԱԶԱՏՅԱՆ

(Ա մ փ ո փ ու մ)

Հայ-ռուսական բազմադարյան հարաբերությունների պատմությունը ուսումնասիրվել է ուսումնասիրվում է հայ և ռուս պատմաբանների կողմից, սակայն այդ հարաբերությունների արտացոլումը ռուսական պատմագրության մեջ մինչև հիմա սխտեմատիկ պատմագիտական քննարկման առարկա չի դարձել:

Սույն հոդվածում առաջին անգամ փորձ է կատարվում վեր հանել XVII դարի վերջից մինչև XIX դարի սկիզբն ընկած ժամանակամիջոցում ռուսական ազնվականական պատմագրության, պատմական պարբերական մամուլի, աղբյուրագիտական հրատարակությունների և պատմա-ազգագրական գրա-

կանության մեջ եղած այն նյութերը, որոնք վերաբերում են հայ ժողովրդի և հայ-
 ռուսական հարաբերությունների պատմությանը և ուրվագծել այդ նյութերի
 գիտական մշակման և այդ հարցերի նկատմամբ եղած քաղաքական-գաղա-
 փարական դիրքորոշման անընդմեջ էվոլյուցիան, որը պայմանավորված է
 եղել հայ-ռուսական հարաբերությունների և ռուսական պատմական գիտու-
 թյան զարգացման ընթացքով:

Նյութերի ուսումնասիրությունը ցույց է տալիս, որ նշված ժամանա-
 կաշրջանի ռուս ազնվական պատմաբանները՝ Ա. Լիպլովը, Ա. Ի. Մանկիևը,
 Թ. Պրոկոպովիչը, Ի. Կ. Կիրիլովը, Վ. Ն. Տասիշևը, Գ. Ֆ. Միլլերը,
 Ի. Ն. Բոլտինը, Մ. Մ. Շչերբատովը, Ն. Մ. Կարամզինը և ուրիշներ, իրենց աշ-
 խատություններում զգալի տեղ են հատկացրել հայ ժողովրդի և հայ-ռուսա-
 կան հարաբերությունների պատմության հարցերին, կատարել են կարևոր գի-
 տական մշակումներ և հետևություններ՝ կապված հայ-ռուսական քաղաքական,
 տնտեսական և կուլտուրական հարաբերությունների հետ՝ վաղ շրջանից մինչև
 XVI դարը, գիտական հետաքրքրություն են դրսևորել Ռուսաստանի հայաբնակ
 վայրերի, հայոց լեզվի և հայկական պատմական աղբյուրների ու հայ ժո-
 ղովրդի պատմության հետ շաղկապվող մի շարք հարցերի հանդեպ:

Աղբյուրագիտական առումով նրանք առաջին անգամ վեր են հանել և
 շրջանառության մեջ դրել բազմաթիվ կարևոր աղբյուրներ, քաղված ռուսական
 տարեգրություններից և այլ փաստաթղթերից, որոնց պարունակած փաստա-
 կան նյութն այսօր էլ չի կորցրել իր արժեքը հայ-ռուսական հարաբերությու-
 նների ուսումնասիրման համար:

Քաղաքական-գաղափարական առումով ռուս ազնվական պատմաբաննե-
 րը, կանգնած լինելով միապետության դասակարգային շահերի, այդ թվում
 արտաքին քաղաքական շահերի պաշտպանության դիրքերում, հիմնականում
 դրական վերաբերմունք են դրսևորել հայ ժողովրդի ազատագրական պայքա-
 րի հանդեպ, քանի որ այդ պայքարի ռուսական կողմնորոշումը զուգադիպում
 էր ռուսական պետության շահերին:

Ուսումնասիրված նյութերը հիմք են տալիս պնդելու, որ հայ ժողովրդի
 պատմության և նրա մշակույթի նկատմամբ ռուսական պատմական գիտության
 հետաքրքրության ակունքները պետք է որոնել արդեն XVIII դարի սկզբից: